

Штрихи к портрету
Анатолия Знаменского

В ПОИСКАХ НОВОГО

ОДНАЖДЫ на лекции по теории литературы я обратил внимание на пишущую руку моего соседа по столу Анатолия Знаменского и удивился его необычайной скорописи. Рука буквально летала над листом бумаги, оставляя за собой ровные строчки. Такой скорописи мне никогда видеть не приходилось. «Ему только романы писать», — подумал я, а вслух сказал:

— Как это тебе удается?
— Что? — спросил Анатолий.
— Так быстро писать,
— Привычка, — ответил он. — Писарем был, насобачился. Мог бы писать и еще быстрее, но слушать и думать надо...

Этот разговор состоялся в один из первых дней нашей совместной учебы на Высших литературных курсах осенью 1958 года. Вскоре я узнал, что Анатолий Знаменский действительно пишет романы и два из них («Неиссякаемый пласт» и «Ухтинская прорва») уже вышли отдельными книгами. Его романы среди книг слушателей пятого набора (1958—1960 гг.), где мне пришлось быть старостой, были наиболее значительными произведениями.

Запомнились мне открытость, ненавязчивая общительность Анатолия Знаменского, его умение запросто сблизиться с людьми. Сидели мы тогда за одним столом — Юрий Пилляр, Олег Смирнов, Знаменский и я. Рядом были Владимир Жуков из Иванова, Владимир Короткевич и Евдокия Лось из Белоруссии, Адам Шогенцук из Кабардино-Балкарии, Юрий Гончаров из Воронежа, наш партийный секретарь Асхат Мирзагитов из Башкирии, Александр Юзыккин из Марийской АССР... Все тепло и как-то охранительно относились к молодому писателю, приехавшему с Севера, автору двух романов, верили в его большие творческие возможности.

Роман «Ухтинская прорва» по рекомендации руководителя творческого семинара президентов ВЛК был переиздан столичным издательством «Советский писатель». Рецензенты Лев Никулин и Борис Бедный отмечали, что книга захватывает не только историческим материалом, новым для нашей литературы, но и тем, что большинство глав романа написано языком точным и выразительным, а я в те дни написал на Знаменского дружескую эпиграмму:

Себя в обиду он не даст
И пишет клык моржовой
здорово.
Энергии в нем —
вечный пласт,
Таланта —
«Ухтинская прорва».

Помнится, А. Знаменский тогда уже смотрел на свои романы и на успех в столице как на пройденный этап и открыто признавался, что мечтает написать хотя бы один хороший рассказ. Рассказ в то время был для него формой «заповедной», смущала, видимо, его краткость, новый «часовой механизм» сюжета и более тонкая, чем в романе и в эпической прозе вообще, структура языка, подтекст и некоторые другие тонкости жанра. Но вот (кажется, по совету Виктора Астафьева) появился у А. Знаменского рассказ о подвиге военнопленного — «Прометей № 319», который читался нами в рукописи. Знаток этой темы Ю. Пилляр отозвался о нем весьма положительно за правдивую и крепкую сюжетную основу и рекомендовал напечатать в каком-нибудь «толстом» журнале. Автору повезло: рассказ вскоре появился в журнале «Молодая гвардия». Потом он вошел в сборник «Рассказы 1960 года», его перевели на финский и белорусский языки, а издательство «Прогресс» включило в книгу избранных советских рассказов для зарубежных читателей. А. Знаменский, доказавший свое умение строить сюжет эпи-

ческого рассказа, однажды показал нам небольшую рукопись — это был лирический, мягко и тонко написанный рассказ о любви — «Песнь песней», рассказ настроения.

Анатолия Знаменского я ценю не только как писателя, но и как человека предельно искреннего, ценю за кипучую энергию и грудолюбие. Он все время в поиске, пробует свои силы в разных жанрах, всегда переполнен замыслами и материалом. Ему было и есть что сказать читателю. Став мастером, он упорно работает над совершенствованием своего мастерства.

После названных произведений А. Знаменский опубликовал в журнале «Урал» свой новый роман «Иван-чай». Одновременно у него появились роман «Как все», несколько повестей и рассказов. Почти все его произведения печатались в столичных и других журналах, но с прессой и отзывами ему не очень везло. Писатель, уехавший на Кубань, вдруг вроде бы «потерялся»... Правда, время от времени о его произведениях писали в журналах «Дон», «Север», «Звезда»; критик Лидия Фоменко в обзорной статье «Талант и мысль» в журнале «Знамя» высоко оценила его прозу.

Встретившись с А. Знаменским в конце шестидесятых годов в Москве, я спросил его мнение о производственном романе вообще, конечно же, имея в виду и его творчество. Он мне ответил примерно так: «Производственный роман как таковой имеет право на существование как оперативный жанр, своего рода роман-очерк, но при условии, что основной сюжета становится действительно важная социально-нравственная проблема, которой в данное время живут и озабочены люди, коллектив, общество...»

Серьезность подхода к делу и талантливость писателя особенно проявились с выходом сборника его прозы «Хлебный год» (издательство «Современник», 1979). В книгу вошли не только новые произведения, но и рассказы, написанные 15—20 лет назад, не потерявшие своей актуальности и стиливой свежести, а это очень важный аргумент в пользу их создателя. Десять рассказов и две повести — объем солидный, читателю да и критику есть чем заняться, есть над чем подумать и оценить манеру и пристрастие писателя. Думается, они не пройдут мимо уже упоминавшихся рассказов «Прометей № 319» и «Песнь песней», как не минуют написанного со знанием дела рассказа «Панорама» — о жизни и смерти замечательного советского художника-баталиста Митрофана Борисовича Грекова, который ранее публиковался в журнале «Наш современник» и тогда же был замечен «Литературной газетой». Автор обзорной статьи Г. Анджапаридзе отмечал, что «этот рассказ шире своей непосредственной тематики: в нем немало размышлений об искусстве, о живописной силе реализма; о художнике и революции...»

Меткое замечание критика о широте рассказа можно отнести и к большинству произведений писателя: они действительно шире своей непосредственной

тематики. Здесь уместно указать на роман А. Знаменского «Как все», который хотя и был замечен в критике после первой публикации в 1965 году, но все же не был «открыт» с необходимой глубиной. Авторы рецензий отмечали, правда, жизненность материала, положенного в основу романа, чистоту и «прозрачность» характера Павла Тернового, основного героя книги, рабочего новой, современной формации. Но значительность самой проблематики романа — поиск в рабочем коллективе новой, более совершенной системы организации и оплаты труда — тогда осталась как бы не раскрытой. И сама мысль о бригадном подряде тогда, в 1965 году, возможно, казалась еще преждевременной. Но ценность романа А. Знаменского «Как все» особенно поучительна сегодня в свете постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве», где бригадный подряд утверждается как наиболее прогрессивная форма организации труда и производства. С этой стороны роман «Как все» представляется мне произведением, достойным самого заинтересованного внимания литературной общественности.

Идея повести «Семь концов» в значительной степени перекликается с проблематикой романа «Как все», с той лишь разницей, что материал повести основан на повседневности кубанского хутора, где решаются задачи сельского производства. Но писатель верен себе: суть проблем он видит прежде всего в социальных отношениях, в нравственном самочувствии и кругозоре своих героев.

Интересно проследить преемственность этой темы в творчестве писателя из произведения в произведение. Автор исследует ее многократно и с разных сторон, находя все новые оттенки и аспекты.

Взять хотя бы его рассказ «Хлебный год». Речь в нем идет о далеком уже от нас 1923 годе.

Рассказ автобиографичен, мажорен и красочен от начала до конца. В нем много примет новой жизни, появившихся после отгремевшей гражданской войны, много деталей быта, которых в нашей прозе до А. Знаменского не встречалось. Заслуживают пристального внимания и обобщения.

Рассказчик помнит и крестьянскую хату, и чисто выбеленную русскую печь, видит тех людей, что сидели задумчиво у его колыбели...

«Мужчины завели у стола свой извечный хозяйственный разговор, заспорили о чем-то, и голоса их становились все громче. А мать покачивала ту зыбну и тихо начала петь, приговаривая какие-то слова. О чем пела она, я не слышал и не знаю до сих пор... А может, в той ее песне и вообще низких слов не было, одна только вечная любовь и надежда всех матерей на свете на лучшую участь их сыновей?..»

И еще вспоминает он «широкий, чисто подметенный двор, и посреди него высокий ворох красного зерна... Свежий ветер потягивает снизу, от реки. А мать и отец, совсем еще мо-

лодые и сильные, стоят рядом. Они веют зерно.

Они поднимают тяжелые ведра над головой и пускают просо текущими струями на расстеленный полог. Красное, мелкозернистое просо льется, словно вода. Ветерок подхватывает всякую пыль, ость, легковесную мякину и шуплость с нуколью, относит прочь. А тяжелые злани, неподвластные тому ветру, сыплются и сыплются в новый, чистый ворох и ложатся все в одно место — плотно и ошатисто, словно литая бронза. Зерно к зерну...»

Так время перевевает и самые события всей нашей жизни.

Мне кажется, тут пора привести замечания о языке и стиле писателя из уже упоминавшейся статьи Л. Фоменко «Талант и мысль»:

«Знаменского выгодно отличает от иных его сверстников яркость письма: романы его и повести высветили перед нами талант, умеющий до обнаженной глубины раскрывать реальные противоречия жизни и в то же время не переставший романтически любить и эту жизнь, и героев ее, тех, которые уже жиаут в его книгах, и тех, что еще ждут своего воплощения в будущих произведениях писателя».

С этим нельзя не согласиться.

В книге «Хлебный год» есть и новые произведения, написанные после этих высказываний критика. Это пронзительный по своей силе рассказ «Поздний костер» — о тихой и многоотрудной жизни сельских пожилых учителей, рассказ «Не белы снега...» — о женском мужестве и верности, «Бессонница» — о пьянстве и неладах в молодой семье, «По старой дружбе» — о разном подходе к «измерению жизни» разными людьми. Рассказы раскрывают перед читателем не только новые стороны нашей сегодняшней действительности, но и новые грани таланта писателя.

С интересом я прочитал и повесть «Обратный адрес» о Федоре Чегодаеве — человеке с трудным характером, неустроенном, стремившемся найти свою судьбу на дальних дорогах. Он побывал в разных концах страны, в разных переделках, но где не нашел любимой работы. Вернулся он в родную станицу, что называется, к разбитому корыту. Однако заканчивается повесть оптимистично. Читатель верит, что Федор обретет душевный покой и семейное счастье, найдет свое место в жизни.

Понравилась мне и повесть «Безымянная высота». В ней рассказывается о поездке полковника Сергея Александровича Тихонова с женой и взрослым сыном по местам боев в годы Великой Отечественной войны.

Под воздействием увиденного и услышанного в станице нравственно очищается сын полковника, равнодушный скептик и эгоист Игорь. Тема «отцов и детей» в повести получила тонкое, психологически подготовленное решение.

Мне принесли большую радость встречи с этими книгами писателя, бывшего моего однокурсника по учебе в Москве. Представляя собой лишь небольшую часть сделанного А. Знаменским, они еще раз подтвердили: он активно работает в литературе и не устает искать новое, определяющее в жизни.

Георгий ЛАДОНЩИКОВ